

Николай ЮДИН,
кандидат исторических наук

«УЖАСНОЕ ВРЕМЯ, ПРОТИВНОЕ...»

Реакция русской интеллигенции на начало Первой мировой войны

В последнее время всё большее внимание историков привлекает проблема «человеческого измерения» Первой мировой войны, исследования уникального морально-психологического климата, сложившегося в воюющих странах в первые месяцы конфликта. Широкие перспективы открывает здесь изучение реакции на войну представителей интеллигенции. Понятие «интеллигенция» мы трактуем расширительно — как особую социально-функциональную группу, включавшую писателей, журналистов, учёных, художников, инженеров — тех, кто занимался высококвалифицированным умственным трудом¹. Они традиционно были особо восприимчивы к настроениям и идеям, составлявшим «дух времени».

В России интеллигенция оценивала новую войну прежде всего с позиций морали: оправдана ли она, справедлива ли? Начало войны восприняли если не с открытым энтузиазмом, то, по меньшей мере, с надеждой, видя в ней способ обновления культуры, пробуждения духовных и нравственных сил народа². Подобные надежды выразились отнюдь не только в статьях Василия Розанова³ или Николая Бердяева⁴, но и в активном включении в дело объяснения задач войны, изучения её характера и влияния на духовную жизнь народа таких выдающихся литераторов, как Анна Ахматова, Леонид Андреев, Максим Горький, Валерий Брюсов, Николай Клюев, Михаил Пришвин, Софья Федорченко и многие другие. Не менее искренним и выразительным был отклик русских художников: Аполлинария и Виктора Васнецовых, Константина Коровина, Леонида Пастернака⁵ — посвятивших свой талант воспеванию подвига и жертвенности русского народа. В дело объяснения народу новой войны включились и священники, газетчики, университетская профессура, школьные учителя⁶.

Многие писатели, поэты, учителя, врачи и инженеры ушли добровольцами в армию. Так поступили, например, Александр Куприн, Викентий Вересаев, Николай Гумилёв и Сергей Есенин⁷. Н. Н. Смирнов оценивает общее количество добровольцев из среды интеллигенции примерно в 3700 человек⁸. Что же до представителей интеллигенции, призванных по мобилизации, то С. В. Тютюкин пишет о не менее, чем 30 000 учителей и «большом количестве врачей»⁹.

Те, кто остался в тылу, активно включались в благотворительную деятельность,

Война России с немцами. День объявления войны. Плакат. 1914 г.

организовывали концерты и представления для сбора средств в помощь раненым и инвалидам, семьям призванных, семьям погибших, сиротам, воинам в окопах.

Казалось, патриотический подъём объединил всё общество. Однако уже в начале войны проявились и идеологические противоречия.

Русские либералы приветствовали войну и стремились помочь фронту не только из патриотических чувств, но и надеясь, что подобная демонстрация гражданской сознательности будет оценена правящими кругами и послужит залогом послевоенных демократических преобразований¹⁰. Секретарь Николаевского биржевого комитета С. М. Шаргородский писал в декабре 1914 года: «Масса как будто инстинктивно чувствует, что эта война поведёт к лучшему, что страшное напряжение общественных сил для одержания победы над страшным врагом даст обществу право заговорить потом о компенсации»¹¹.

Либеральные круги интеллигенции выступили со своим «проектом» русского, или, точнее, российского национализма. Этот расплывчатый комплекс представлений о национальном строительстве в рамках Российской империи включал в себя идеи рас-

ширения прав национальных меньшинств, уравнивания их с русскими и общей демократизации политического устройства¹². Эти идеи контрастировали со стремлениями правых.

Правые приветствовали взрыв национальных чувств, которым сопровождалось в крупных городах начало войны: они видели в нём признак пробуждения национального самосознания народа, его духовное преображение и возрождение религиозности¹³. Вот как описывал эти настроения в письме графу С. Ю. Витте некто И. Н. Протасьев: «Религия освятила патриотизм, а патриотизм в эти знаменательные дни рельефно отражается в религиозном чувстве. После годов нравственного упадка Русь как бы переродилась, обновилась и обрела сама себя»¹⁴. Монархисты надеялись положить конец заигрываниям монарха с Думой, с национальными окраинами, с рабочим движением и земством; они рассчитывали укрепить авторитет династии, сильно поколебленный событиями Первой русской революции¹⁵.

«Проект» национального строительства, предложенный во время войны правыми, вёл к обострению в империи национального вопроса. Именно правые издания стали застрельщиками германофобской кампании в русской прессе. Эта кампания оказалась направлена не столько против Германии

или Австро-Венгрии, сколько против подданных России, немецких колонистов и прибалтийских баронов¹⁶. Непосредственными результатами её стали погромы немецких магазинов в Москве осенью 1914-го и весной 1915-го¹⁷, закон о ликвидации немецкого землевладения от 2 февраля 1915 года, расцвет шпиономании.

Новый импульс к развитию был дан и утихшему было в начале войны антисемитизму. Самое широкое хождение получили истории о повальном предательстве евреев, поступавшие из действующей армии и раздувавшиеся в прессе. Евреев обвиняли в шпионаже, распространении пораженческих слухов в тылу, антиправительственной агитации. Эксплуатация этих тезисов националистической интеллигенцией привела к росту погромных настроений, жертвами которых становились невинные люди с немецкими или еврейскими фамилиями.

Но рост ксенофобии в многонациональной империи ослаблял «внутренний фронт», подрывал и без того шаткое и хрупкое национальное единство, сложившееся в первые недели войны. Многие национальные группы, изначально настроенные вполне верноподданнически и патриотически¹⁸, уже к весне 1915 года стали всё больше разочаровываться в призывах к общественному единению, осознавать свою чужеродность и переходить в оппозицию режиму, попустительствующему ксенофобии.

А что же интеллигенция левых взглядов? Русские социалисты оказались деморализованы — как патриотическим подъёмом, охватившим и вчерашних бунтарей-рабочих¹⁹, так и провоенной позицией своих западных коллег, прежде всего германских социал-демократов²⁰. Ярким свидетельством мировоззренческого кризиса социалистов стало стремление некоторых из них вступить в ряды русской армии²¹. Среди них были и студенты, пострадавшие за участие в антиправительственных акциях²², и некоторые видные лидеры социалистов, жившие в эмиграции²³. Особый резонанс приобрело дело известного революционера Владимира Львовича Бурцева (1862–1942), призвавшего русских социалистов поддержать свою страну. В письме, опубликованном в лондонской «Таймс», он заявил о намерении вернуться в Россию и принять участие в войне, которая, по его мнению, имела справедливый, оборонительный характер²⁴.

Однако по возвращении на родину «революционный оборонец» был задержан, осуждён и сослан. Правительство дало понять, что не собирается ничего забывать и прощать. Эмигрантам предлагалось вернуться на родину, подвергнуться суду за прошлые преступления и лишь после этого подавать проше-

ние о зачислении в армию²⁵. Так уже с самого начала войны были достаточно ярко очерчены границы общественного консенсуса.

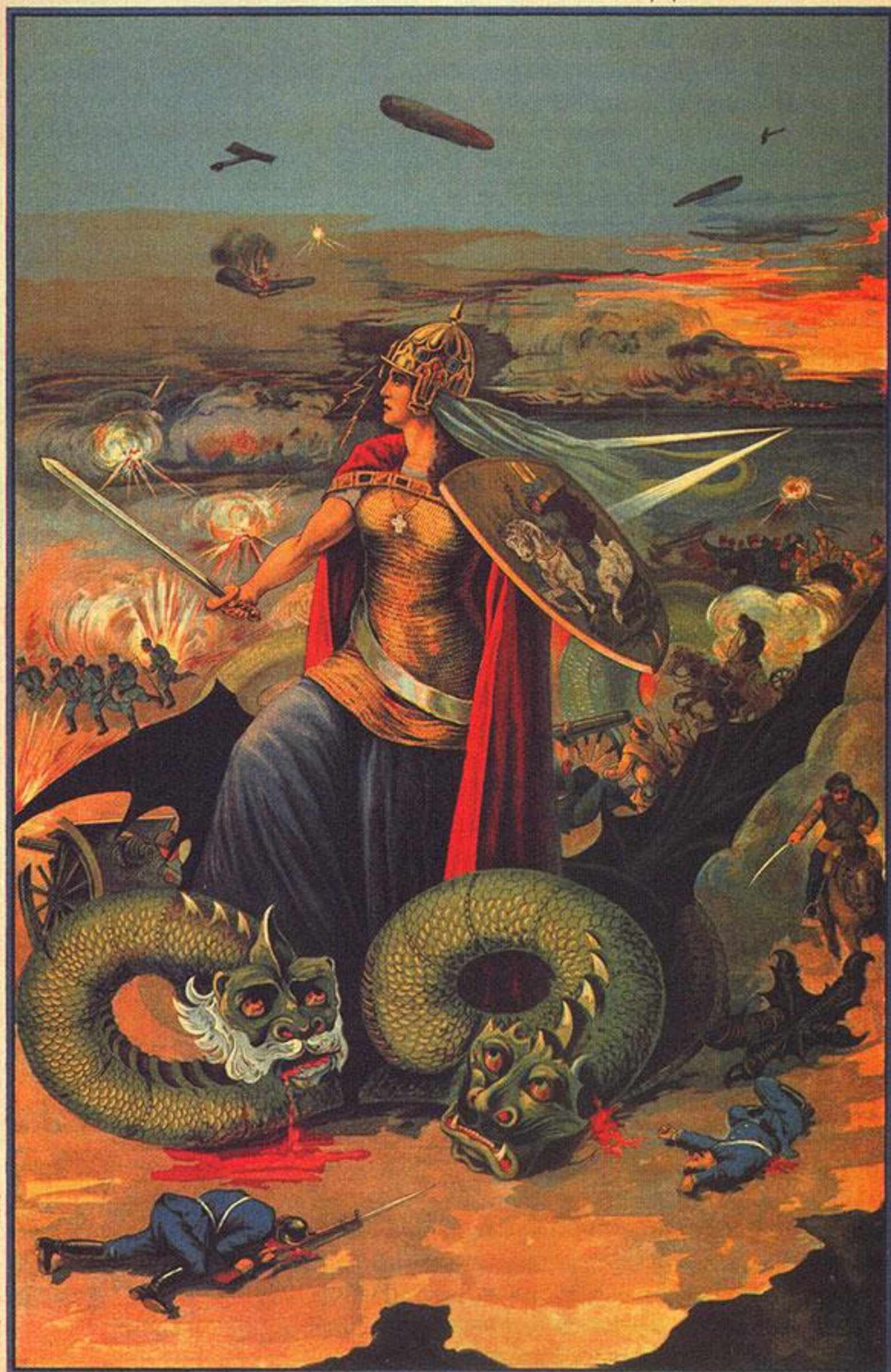
Впрочем, далеко не все политэмигранты горели желанием вернуться в Россию. В Париже с осени 1914-го развернули антивоенную пропаганду русские социалисты, возглавляемые Виктором Черновым, Юлием Мартовым и Анатолием Луначарским. Они осудили эмигрантов, пожелавших вступить в ряды русской армии, и призывали социалистов, уже находившихся на фронте, к дезертирству, саботажу и братанию с немцами²⁶.

В первые недели войны эта позиция оставалась уделом узкой группы интеллигентов. Однако по мере нарастания в обществе не-

довольства положением дел в тылу и на фронте она давала о себе знать всё чаще. Конец 1914 — весна 1915 года отмечены появлением целого ряда циркуляров МВД, обращённых к губернаторам, чинам полиции и корпуса жандармов и сообщавших о планах социалистов воспользоваться недовольством и усталостью народа от войны для антиправительственной агитации²⁷.

Отсутствие подлинного примирения перед лицом внешней угрозы, нежелание правящих кругов идти на диалог с обществом, колоссальные потери на фронтах уже к весне 1915-го привели к угасанию патриотического подъёма в интеллигентской среде. В анонимном письме из Киева от 23 февраля

РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ.

Россия — за правду. Плакат. 1914 г.

На помощь жертвам войны. Художник
Л. Пастернак. Плакат. 1914 г.

1915 года читаем: «Что принесёт нам нахлынувшая война? — Ничего!.. Как я искренно верил в идейность настоящих событий... а теперь полное разочарование, плач по идеалу. Когда проснёшься и вдруг вспомнишь: «война...», — в душе поднимается ужас»²⁸.

Это не означает, что патриотический порыв интеллигенции ушёл в прошлое. Скорее можно говорить о начале его постепенной эрозии. Этот процесс не был необратимым, однако он усугублялся тем, что страна встретила войну, переживая кризис идеологии. Буквально с первых дней стало заметно, что мотивация представителей различных групп интеллигенции, заявивших о своей поддержке правительства, имеет весьма разный, подчас взаимоисключающий характер.

Старые способы легитимации власти, основанные на ценностях династической лояльности, отражали мировоззренческие установки лишь незначительной (хотя и влиятельной) части населения — консервативно-монархических групп элиты²⁹. Многочисленные либеральные, демократические и левые течения, ориентировавшиеся на идеи народного суверенитета, народного представительства, остро ощущали идеологическую чуждость режима³⁰.

И правые, и либеральные представители интеллигенции трактовали войну как столкновение наций, рас, в частности, германства и славянства. Однако на этом сходство заканчивалось. Для правоконсервативных и праволиберальных групп на первое место выходили проекты очищения национального ядра империи от всех нежелательных элементов и укрепления традиционных ценностей, выраженных триадой «православие, самодержавие, народность». Для либералов же война представлялась желанной и нужной только до тех пор, пока она несла надежду на кардинальное обновление русского общества. Пробуждение национальных чувств для них было синонимом пробуждения гражданской ответственности и демократии³¹.

Иными словами, происходило столкновение различных политико-национальных проектов, отражавшее незавершённость процессов национального строительства в империи Романовых.

К весне 1915 года стало очевидным отсутствие общей, цементирующей русское общество или хотя бы его образованные слои, идеологии. В этих условиях патриотический подъём не имел под собой прочной основы. Его подпитывали крайне противоречивые настроения, симпатии и способы самоидентификации — которые в условиях затяжной войны очень быстро вступили в противоречие друг с другом и, что особенно важно, с правящим режимом.

Примечания

1. Смирнов Н. Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума, 1–5 июня 1998 г.). СПб. 1999. С. 259.
2. Врангель Н. Н. Дни скорби. СПб. 2001. С. 40, 44–45, 56–57; Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе, 1914–1918 гг. Тамбов. 2005. С. 386; Смирнов Н. Н. Указ. соч. С. 261.
3. Розанов В. В. Последние листья. М. 2000. С. 265–267.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М. 1990. С. 128, 167–168; Смирнов Н. Н. Указ. соч. С. 261; Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны — к Великой революции // Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М. 2008. С. 126.
5. Базанов С. Н. Патриотический подъём в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм — духовный стержень народов России. М. 2006. С. 158.
6. Тютюкин С. В. Патриотический подъём в начале войны // Мировые войны XX в. Кн. 1. Первая мировая война. М. 2002. С. 361.
7. Давидсон А. Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск. 2001. С. 259–260; Базанов С. Н. Указ. соч. С. 157.
8. Смирнов Н. Н. Указ. соч. С. 263.
9. Тютюкин С. В. Патриотический подъём... С. 364.

10. Стокдейл М. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М. 1999. С. 283–285.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2230.
12. Там же. Д. 992. Л. 1132; Д. 993. Л. 1289.
13. Там же. Д. 992. Л. 1171, 1187; Д. 995. Л. 1497; Д. 996. Л. 1553.
14. Там же. Д. 1010. Л. 26.
15. Там же. Д. 1001. Л. 2013.
16. Там же. Д. 996. Л. 1538, 1556; Д. 998. Л. 1753; Д. 1001. Л. 2054, 2064, 2085; Д. 1002. Л. 2110; Д. 1004. Л. 7; Д. 1010. Л. 3; Д. 1011. Л. 148; Д. 1015. Л. 340; Д. 1020. Л. 866, 889.
17. Об этих событиях см.: Гагагова Л. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. № 10; Айрапетов О. Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве // Родина. 2010. № 1, 3.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1146; Д. 993. Л. 1293; Д. 994. Л. 1303; Д. 997. Л. 1652; Д. 998. Л. 1753; Д. 1001. Л. 2083; Д. 1002. Л. 2110, 2132; Д. 1013. Л. 49; Д. 1020. Л. 892.
19. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага. 1926. С. 83; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург. 2000.

- С. 163–166; Бобышев С. В., Серёгин С. В. Первая мировая война и перспективы общественного развития России. Комсомольск-на-Амуре. 1995. С. 11.
20. Коллонтай А. М. Отрывки из дневника, 1914 г. Л. 1924. С. 5–10.
21. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М. 1955. С. 20–23.
22. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 34. Д. 1036. Л. 4, 10, 16, 39, 41.
23. Милуков П. Н. Воспоминания. М. 2001. С. 481.
24. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 9. Л. 406.
25. Там же. Л. 551; Д. 5. Л. 51.
26. Archives nationales. F. 7. 13074. Paris. 1915.
27. ГАРФ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 95. Л. 48, 51, 58, 69, 72–73, 77.
28. Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 42.
29. Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloквиума, 1–5 июня 1998 г.). С. 59; Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны... С. 126.
30. Об этом, о кризисных тенденциях в общественной жизни России на рубеже XIX и XX вв. см.: Экштут С. А. Закат империи. От порядка к хаосу. М. 2012; Он же. Россия перед голгофой. Эпоха великих реформ. М. 2010.
31. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 42.